
КОНТЕКСТ

П.В. ПАНОВ, К.А. СУЛИМОВ*

**ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ «ГАРМОНИЯ»
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ГРАНИЦЫ¹**

Аннотация. В 2000-е годы в России сложилась достаточно стабильная партийно-политическая система с доминированием «Единой России» и представительством в Государственной думе РФ трех партий системной оппозиции. Исследование посвящено определению пространства идеологического согласия между всеми партийными фракциями Государственной думы на парламентской арене по трем проблемным идеологическим измерениям: традиционное «лево-правое», национально-этническое («русский вопрос») и глобальное (про место и роль России в мире). С использованием аппарата морфологического анализа идеологий и на основе контент-анализа стенограмм заседаний Государственной думы за период 2003–2020 гг. (всего на 1100 депутатов четырех фракций приходится 154,4 тыс. выступлений и 26,558 млн слов) были выделены ключевые идеологические концепты, которые образуют пространство согласия: «патриотизм»,

* **Панов Петр Вячеславович**, доктор политических наук, главный научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН; профессор Кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: panov.petr@gmail.com; **Сулимов Константин Андреевич**, кандидат политических наук, доцент, заведующий Кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: k.sulimov@psu.ru

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20–011–00624.

© Панов П.В., Сулимов К.А., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.01.03

«антизападничество» и «русскость». Хотя у каждой фракции своя конфигурация концептов, определяющая их центральность или дополнительность, эти концепты разделяют все фракции. Следовательно, в совокупности они образуют границы согласия, которое складывается в 2012–2013 гг., и «крымский консенсус» впоследствии только закрепил его. Ключевым условием формирования согласия стала идеологическая динамика «Единой России», явно вызванная не внутридумскими процессами, а идеологической эволюцией Кремля. Начиная с VI созыва (с 2012 г.), фракция Единой России, во-первых, идеологизируется (хотя и остается более административной в риторике партий), а во-вторых, берет на вооружение идеологические концепты, уже разработанные и вербализированные КПрФ и ЛДПР.

Ключевые слова: депутаты; политические партии; фракции; Государственная дума; идеологические концепты; политические идеологии и ориентации; контент-анализ.

Для цитирования: Панов П.В., Сулимов К.А. Идеологическая «гармония» в Государственной думе: возникновение, содержание, границы // Политическая наука. – 2023. – № 1. – С. 61–91. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.03>

Введение

Стабилизация политического режима в России в 2000-е годы сопровождалась складыванием устойчивой партийно-политической системы, которая в почти неизменном виде функционировала на протяжении четырех созывов в Государственной думе РФ (далее – ГД, Дума), с 2003 по 2021 г. Кроме центрального элемента, которым является партия «Единая Россия» (ЕР), имеющая устойчивое большинство, в партийную систему инкорпорированы три партии так называемой системной оппозиции: Коммунистическая партия Российской Федерации (КПрФ), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) и «Справедливая Россия» (СР).

Устойчивость этой конфигурации в условиях консолидации режима указывает на высокую степень политического согласия между партиями. По крайней мере, в ключевом аспекте – лояльности к существующему политическому режиму – она обеспечивает доступ к электоральной и парламентской аренам. Это подтверждается и результатами, и самим процессом деятельности Думы. Например, количество почти единогласных голосований (поддержка 95% или более депутатов) в ГД начинает стремительно расти с нулевого уровня с IV созыва (2003–2007), а в VI созыве (2011–2016) оно составляет почти четверть всех решений по законопро-

ектам [Noble, 2017]. Однако за пределами отношения к режиму и за рамками принципиальных для него вопросов легислатуры в автократиях могут иметь собственное политическое значение [Williamson, Magaloni, 2020 ; Wiebrecht, 2021], если «элиты имеют разные предпочтения в отношении результатов политики» [Gandhi, Noble, Svolik, 2020, p. 1372]. Собственно, и Дума регулярно отклоняется от модели *rubber stamp*¹, становясь «полем битвы элит» между заинтересованными сторонами [Noble, Schulmann, 2018].

Партийные фракции ГД помимо политических и / или иных партикулярных интересов имеют различные идейно-идеологические ориентации в силу как минимум различий в генезисе этих партий. При этом есть свидетельства того, что процесс политической консолидации сопровождался тенденцией к идеологическому сближению разных фракций, по крайней мере по отдельным темам [Панов, Сулимов, 2021]. Как широк этот процесс, когда он начался и как далеко продвинулся? Есть ли в Думе место для «идеологических битв»? Каков характер сложившейся идеологической композиции федеральной легислатуры? В данной статье мы отвечаем на эти вопросы на основании анализа публичной риторики депутатов ГД на пленарных заседаниях за период с 2003 по 2020 г.

Партийные идеологии в России и подход к исследованию их функционирования в Думе

Начало их генезиса пришлось на время завершения эпохи «больших идеологий», изменения функциональных ролей идеологических построений и требований к их комплексности и определенности. При этом интерес к идеологическому творчеству был очень велик – первые протопартии на рубеже 1980–1990-х годов имели явно идеологическое происхождение [Холодковский, 2000]. Но отсутствие собственной актуальной и разнообразной идеологической истории заставляло их обращаться или к западному опыту, или к различным маргинальным прежде идеям, чему способство-

¹ Дословный пер. с англ. – «штампование законов». В российских СМИ можно встретить близкий по смыслу термин – «бешеный принтер», подчеркивающий быстроту принятия законодательных решений, инициаторами которых выступают президент или правительство. *Прим. ред.*

вали низкие барьеры выхода на идейный рынок [Гельман, 2020]. Идеологическое экспериментирование партий могло приводить к конструированию причудливых, но успешных идейных комплексов (типа «левого консерватизма», например) [Работяжев, 2014]. При этом не всегда понятно, в каких случаях идеологии являются для политических партий атрибутом, а в каких антуражем [Малинова, 2001].

Еще большие трудности ожидали партийные идеологии в столкновении с собственно политической действительностью. В условиях слабых партийной идентификации и устойчивости идеологических воззрений российского электората [Голосов, Григорьев, 2015], а также общей низкой значимости идей в становлении и развитии российского политического режима [Gel'man, 2015] оказалось, что доступ к власти мало связан с «качеством» партийных идеологий. Слабые стимулы к использованию идеологий как политических инструментов ставят под вопрос необходимость иметь внятный и комплексный идеологический профиль.

Однако идеи имеют значение. Во-первых, парламентские партии – прежде всего оппозиционные – все равно должны поддерживать некоторую степень отличия друг от друга, поскольку это кроме прочего определяет их полезность для режима, а значит, и доступ к электоральной арене (подробнее см.: [Панов, Сулимов, 2021]). Во-вторых, идеологии могут играть свою роль в деле информационного взаимодействия с другими группами элит [Малинова, 2001], ведь даже лояльность можно демонстрировать не только персонально, но и идейно. В-третьих, идеи являются фильтром восприятия и интерпретации проблем [Гельман, 2020], даже если есть другие фильтры – например, политической целесообразности.

Исходя из вышесказанного, мы не можем рассчитывать на обнаружение в парламентской риторике депутатов целостных, устойчивых и непротиворечивых идеологических комплексов, которые могут быть позиционированы в некой многомерной и универсальной содержательной системе координат. Более вероятно – и это больше соответствует самой механике парламентского говорения (небольшие выступления по конкретным поводам) – обнаружить идеологические построения, которые используются как основание (ценностное, целевое, аргументативное) для собственной позиции по любому вопросу – критики, отрицания, согласия.

Эти построения упаковываются в компактные концепты, которые имеют разную значимость для говорящего и могут быть связаны друг с другом.

Наиболее адекватной теоретической рамкой для такого материала представляется морфологический анализ идеологий Майкла Фридена [Freedен, 2003; 2013; Чутков, 2016]. Он позволяет смотреть на идеологии как на дискретные единства. Используя его понятийный аппарат, можно выделять центральные (ядерные) и смежные идеологические концепты. Содержание и конфигурация центральных концептов определяют облик и общий смысл идеологии, а смежные служат конкретизации и уточнению первых. При этом, однако, мы не ставим себе задачей составить полные морфологические описания идеологии каждой фракции, представленной в Думе. Наша задача скромнее – мы будем идентифицировать концепты, которые образуют пространство согласия между фракциями.

Эмпирическая база и методы

Эмпирический материал для исследования – стенограммы заседаний ГД за период 2003–2020 гг.: созывы IV (2003–2007), V (2007–2011), VI (2011–2016), VII (2016–2020, без данных за 2021 г.). СР как партия была создана только в 2006 г. путем объединения нескольких партийных проектов, в первую очередь, «Партии пенсионеров», «Партии жизни» и партии «Родина». Из них только «Родина» была представлена в Думе, но при создании СР в ней произошел раскол, и только часть ее депутатов вошла в созданную в начале 2007 г. в ГД фракцию под названием «Справедливая Россия – Родина (народно-патриотический союз)». Поэтому фракцию «Родины» в IV созыве не вполне корректно рассматривать как предшественницу СР, вследствие чего данные по «Справедливой России» мы анализируем с V созыва (ниже в таблице и рисунках именно так).

В таблице можно видеть данные по фракционной структуре Думы и риторической активности. ЕР численно доминирует как в количестве депутатов, так и в общем количестве произнесенных ими слов. Но в среднем каждый депутат от ЕР говорит намного меньше, чем его коллеги из других фракций (примерно в 2,5–3 раза).

Всего за период 2003–2020 гг. на 1100 депутатов четырех фракций приходится 154,4 тыс. выступлений (26,558 млн слов).

Таблица

**Фракционные составы ГД (2003–2021)
и их риторическая активность**

Фракция	Параметр / Созыв	IV	V	VI	VII	Среднее
ЕР	кол-во депутатов	223	315	238	343	279,8
	общее кол-во слов депутатов фракции (в млн)	2,4	2,6	2,9	4	3,0
	кол-во слов на одного депутата (в тыс.)	10,8	8,1	12,1	8,7	9,9
КПРФ	кол-во депутатов	52	57	92	42	60,8
	общее кол-во слов депутатов фракции (в млн)	1,2	1,7	1,9	1,3	1,5
	кол-во слов на одного депутата (в тыс.)	23,1	30,5	21	30,9	26,4
ЛДПР	кол-во депутатов	36	40	56	39	42,8
	общее кол-во слов депутатов фракции (в млн)	0,7	1,4	2	1,5	1,4
	кол-во слов на одного депутата (в тыс.)	20,5	36,2	36,3	38,6	32,9
СР	кол-во депутатов	–	38	64	23	41,7
	общее кол-во слов депутатов фракции (в млн)		1	1,6	1,2	1,3
	кол-во слов на одного депутата (в тыс.)		27,2	24,9	52,6	34,9

Для непосредственного анализа стенограмм мы комбинировали количественный и качественный подход к анализу словоупотреблений и их смысловых значений. В техническом плане стенограммы заседаний дают большой объем однородных текстовых данных для контент-анализа. Он проводился по ключевым лексемам, отсылающим к идеологическим концептам: частотность их употребления взвешивалась количеством слов в выступлениях по фракциям и созывам, и, поскольку во фракциях разное количество депутатов и, соответственно, количество слов в выступлениях фракций, рассчитывалась нормализованная частотность (количество упоминаний лексем на 1 млн слов, все данные ниже приведены в этой размерности). Подобным образом мы улавливали значимость соответствующих лексем для конкретной фракции в конкретном созыве. Соответственно, в сравнительном анализе по фракциям и в динамике по созывам мы сопоставляли относительные значимости лексем для фракций.

Но компьютерный контент-анализ имеет явные ограничения [Krippendorff, 2004; Мишанова, 2010] – игнорирование контекста и полисемии, невозможность учета тесной смысловой взаимосвязи.

Использование в выступлении лексемы, отсылающей к концепту, говорит скорее о «внимании к вопросу», чем о приверженности этому концепту. Например, упоминание свободы может иметь негативный характер – в логике нарратива о «разгуле свободы» в 1990-е годы [Малинова, 2018]. «Внимание к вопросу» само по себе показательно, но недостаточно для понимания взаимосвязей. Поэтому применялся качественный анализ выступлений на предмет того, как именно использовались лексемы в содержательном плане. В этом анализе использовались стандартные техники экспликации идеологических представлений [Гаврилова, 2010] – абстрагирование, деконтекстуализация и обобщение, что позволяло выявлять концепты, проявляя «аналитическую изобретательность» (*analytical creativity*) [Freeden, 2013, p. 126].

Однако ключевая проблема состояла в идентификации идей (и соответствующих лексем), которые могут «иметь значение» [Малинова, 2010] в конкретном контексте парламентской риторики. Для этого мы комбинировали количественный и качественный подходы в итеративной логике. Схематично процесс выглядел следующим образом. Мы идентифицировали ключевые идеологические размежевания и критериальные подходы к позиционированию политических сил в идеологическом поле в постсоветской России, представленные в литературе (см., например: [Малинова, 2001; Анохина, Мелешкина, 2008]). Затем определялся перечень соответствующих лексем и их представленность в выступлениях депутатов. Далее производилась качественная оценка на предмет их значимости для конструирования концептов, могущих образовать пространство идеологического согласия между фракциями. Выделялись дополнительные лексемы, и итерации повторялись. В результате мы идентифицировали три проблемных идеологических измерения, отвечающих нашему замыслу: традиционное «лево-правое», национально-этническое («русский вопрос») и глобальное (про место и роль России в мире). На рисунке 1 представлена ограниченная выборка частотности лексем, которые оказались ключевыми для идентификации идеологических концептов. Их функционирование будет раскрыто ниже в анализе конкретных фракционных кейсов.

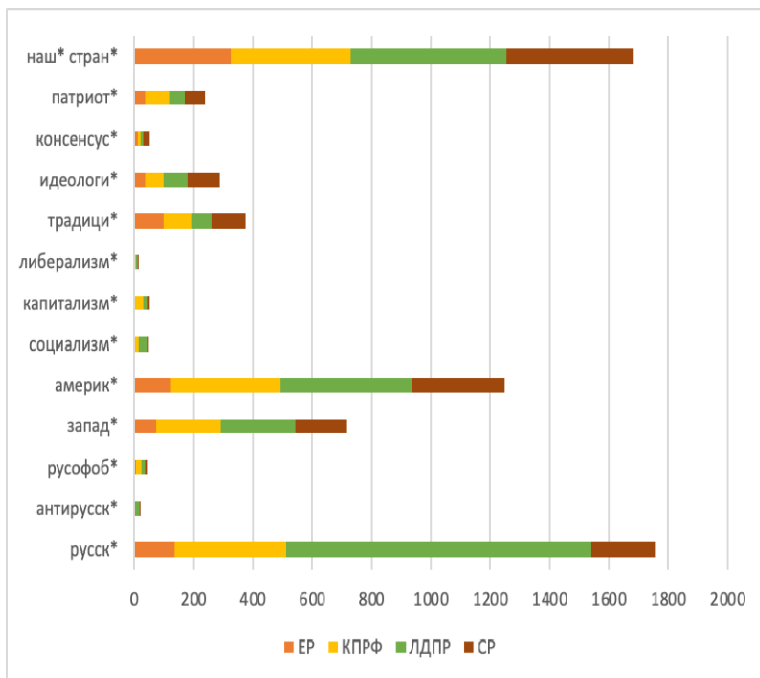

Рис. 1

Тематическая частотность отдельных лексем – «идеологем» (совокупно по фракциям по четырем созывам за 2003–2020 гг.)

КПРФ и ЛДПР: между спорами и согласием

Среди всех четырех фракций Думы наиболее явно идеологические представления артикулируются у КПРФ и ЛДПР, при этом они достаточно устойчивы, т.е. какой-то существенной динамики на протяжении 2007–2019 гг. не прослеживается. Именно коммунисты и либеральные демократы больше всего упоминают классические «-измы»: социализм, капитализм, либерализм, причем в целом существенно больше, чем депутаты от ЕР и СР (см. рис. 2¹).

¹ Другой классический «-изм» – консерватизм – крайне редок в риторике депутатов и выглядит совсем случайным, несмотря на его популярность для описания общего идейного сдвига режима.

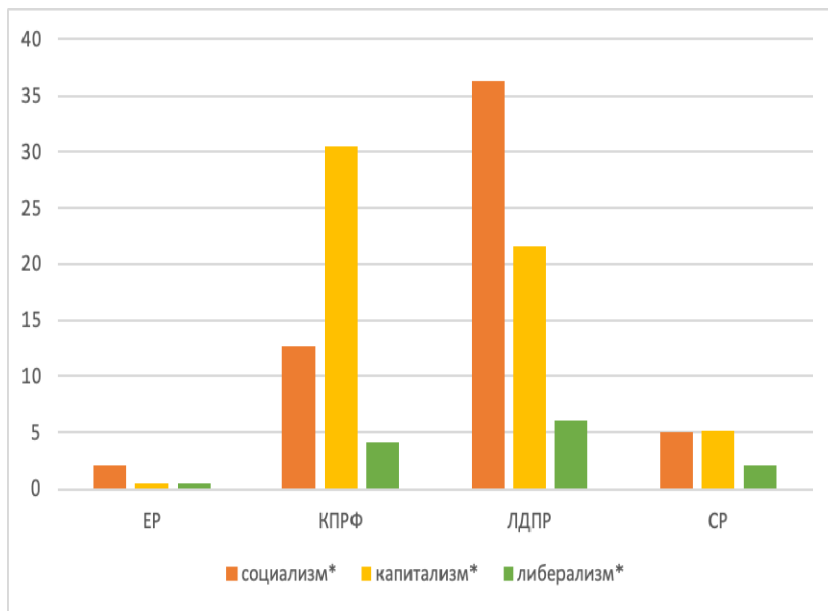

Рис. 2

Частотности лексем «капитализм*», «социализм*», «либерализм*» (средние по четырем созывам (СР – по трем) 2003–2020 гг.)

При этом, как уже сказано выше, упоминание термина говорит не о приверженности концепту, а о «внимании к вопросу». ЛДПР намного чаще упоминает социализм, чем КПРФ, которая в свою очередь чаще говорит о капитализме, чем о социализме. В этом проявляется направленность критики, которая образует поле дискурсивной борьбы. Либерализм как понятие в этом поле используется мало, куда популярнее указание на либералов и, как правило, в негативном ключе. Особенно активны в этом депутаты-коммунисты, для которых либералы – основные политико-идеологические субъекты капитализма. Но это слово и производные от него также часто используются для обозначения ЛДПР и процессов либерализации (рынков, законодательства), что не всегда имеет выраженное идеологическое содержание.

Центральный идеологический концепт КПРФ – социализм. Коммунисты выступают за социалистический путь развития, в це-

лом их видение будущего опрокинуто в прошлое, окрашено ностальгическим ореолом советского периода истории страны, гордостью и восхищением достижениями советского времени.

ХАРИТОНОВ Н.М. (КПРФ, VII созыв, 2017 г.): *Вековой юбилей Октябрьской революции – повод оглянуться назад, дать неполитическую оценку нашего прошлого и напомнить о ее историческом значении: для нас самих, для наших детей и внуков Октябрьская революция была и остается эпохальным событием – это бесспорный факт. Мы не зря вспоминаем исторические даты и отмечаем их: это память, воспитание, посыл в будущее!*

Достаточно часто они ссылаются и на китайский опыт как вариант успешного развития по социалистическому пути.

БОРТКО В.В. (КПРФ, VII созыв, 2018 г.): *...И теперь посмотрите на Китай – что там происходит? Там коммунистическая партия во главе, там социалистическая идеология – и при этом 7,8 % рост ВВП. Вот что нужно делать, вот почему, как я говорил, наша партия – партия будущего! У страны нет другого пути, кроме социализма, иначе ее ничто не скрепляет.*

ЛДПР, напротив, крайне негативно относится к советскому периоду, к Октябрьской революции и к разговорам о социалистическом будущем.

ЖИРИНОВСКИЙ В.В. (ЛДПР, VI созыв, 2012 г.): *...В отличие от депутата Бортко я не волнуюсь, потому что знаю суть того, о чем говорю. Я вынужден оттолкнуться от слов предыдущего оратора. Если вы говорите, что вы коммунист и хотите построить светлое будущее, то вы экстремист, ибо никакого светлого будущего не будет никогда и никогда не будет у коммунизма.*

Но хотя ЛДПР критикует КПРФ за социализм, это не значит, что она предлагает «противоположный путь»; лево-правое идеологическое измерение для нее вообще не является центральным.

ЖИРИНОВСКИЙ В.В. (ЛДПР, VII созыв, 2018 г.): *...А в социализме много хорошего, но он не получился у нас... Забудьте слова «социализм», «капитализм» – новое информационное общество, криптообщество, а вы в социализм гоните.*

Центральный идеологический концепт ЛДПР располагается на другой шкале: «русскость», защита русского народа – и внутри страны (защита русского языка и русских в национальных республиках), и за рубежом (прежде всего, на постсоветском пространстве).

ЖИРИНОВСКИЙ В.В. (ЛДПР, V созыв, 2010 г.): *Начались конфликты, и пострадали в основном русские, их выгнали сотнями тысяч, миллионы со всех территорий бывшего СССР. И будущая третья мировая война будет опять же касаться тех территорий, где проливали кровь русские солдаты, это и раздел Китая, где миллионы русских, и другие места, где возможны осложнения обстановки. Вот это нужно понимать: дважды рухнуло наше государство из-за неправильно решенного русского вопроса.*

В частности, на этом основывается и аргументация против Октябрьской революции и социализма.

ЖИРИНОВСКИЙ В.В. (ЛДПР, V созыв, 2010 г.): *...А для чего опять русских отправляют в тюрьмы? Потому что войной и революцией не удалось уничтожить русский народ. Октябрьская революция была направлена именно на это – чтобы, уничтожая русских, разжечь мировой пожар. Но другие не поддерживали, для них советская власть оказалась худшим примером, им лучше было национальные интересы соблюдать.*

Позиция ЛДПР в «русском вопросе» не является праворадикальной, основная идея – не превосходство, а ущемленное положение этнических русских.

ОСТРОВСКИЙ А.В. (ЛДПР, V созыв, 2008 г.): *Большое спасибо, уважаемый Максим Николаевич, за очень глубокий вопрос. Лозунг «Я за русских!» не означает, что я против всех. Спасибо.*

То есть это не «этнический шовинизм», а более умеренная позиция: русский народ находится в ущемленном состоянии, страдает от других, от власти, от ущербного государственного устройства и т.д. Поэтому ЛДПР выступает против федерализма, за унитарное государство, ликвидацию национальных республик, преференций, которые имеют представители иных этнических групп.

РОХМИСТРОВ М.С. (ЛДПР, V созыв, 2010 г.): *...Не трогают татар, не трогают! Трогают только русских, только русские издания и в русских регионах. И русские же губернаторы закрывают русские же газеты, потому что они им не интересны, потому что они их критикуют.*

Вместе с тем если по поводу социализма КПРФ и ЛДПР кардинально расходятся, в отношении «русского вопроса» принципиальных разногласий нет, поскольку КПРФ также артикулирует особую ценность русского языка, русской культуры, защиты соотечественников за рубежом. Однако для КПРФ «русскость» – не цен-

тральный концепт, а скорее смежный (по терминологии Фридена), в значительной мере производный от ностальгии по советскому прошлому. Поскольку именно русский народ был «фундаментом» Советского Союза, они акцентируют внимание на его особой роли, и здесь они сходятся с ЛДПР. В частности, депутаты именно этих двух фракций транслируют мысль об особом положении русских как «государствообразующего народа».

ОБУХОВ С.П. (КПРФ, V созыв, 2010 г.): *...Здесь, в Государственной думе, только две фракции выступали на протяжении всех пяти созывов в защиту государствообразующего русского народа – ЛДПР и КПРФ, мы вместе голосовали за денонсацию Беловежских соглашений.*

Разница в значимости «русского вопроса» довольно хорошо видна и в частотности употребления соответствующих слов – см. рисунок 3. ЛДПР – безусловный лидер в этом на протяжении всех созывов, а КПРФ заметно отличается от ЕР и СР.

Еще один концепт, по которому КПРФ и ЛДПР на протяжении всех созывов демонстрируют полное согласие, – явно выраженный антиамериканизм, или – шире – антизападничество. На рисунке 4 представлена частотность двух лексем, наиболее часто используемых депутатами для обозначения коллективного Запада – собственно «запад*» и «америк*». Видно, что их частотность хорошо коррелирована, т.е. они фактически выступают синонимами¹. КПРФ и ЛДПР и здесь явные лидеры, их настрой откровенно критический (с ЕР, например, не так – об этом ниже). Но они отличаются по направленности трендов значимости антизападничества. Если у ЛДПР она снижается, то у КПРФ, наоборот, растет. При этом у всех, включая и две другие партии, происходит обвал частотности в VII созыве – вероятнее всего, это эффект спада агитации после событий 2014 г.

¹ Лексема «америк*» иногда отсылает к Южной или Латинской Америке, но доля таких вхождений крайне мала.

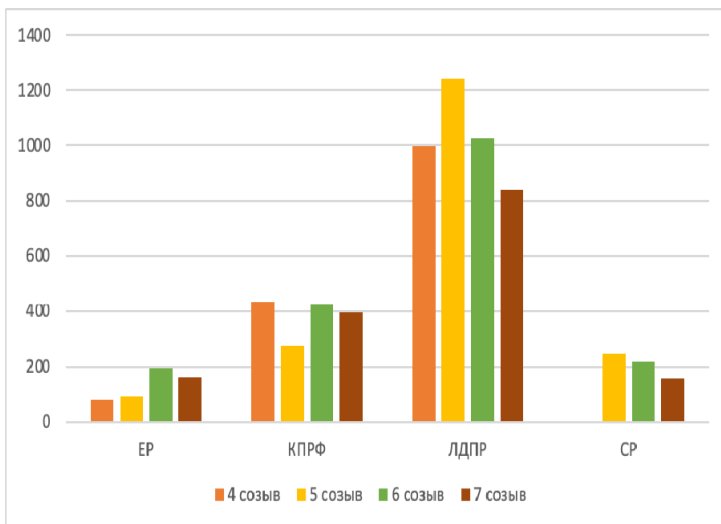

Рис. 3

Частотность лексемы «русск*» по фракциям и созывам

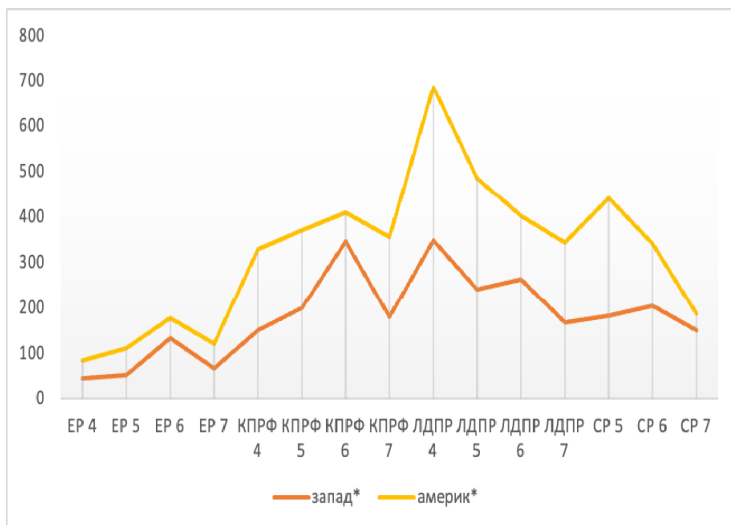

Рис. 4

Частотность лексем «америк*» и «запад*» по фракциям и созывам

Нельзя не заметить, что «идейные истоки» антизападничества у них разные. У КПРФ это антикапиталистическая идея и ностальгия по советскому прошлому, которое ассоциируется не только с социалистическим строем, но и особым местом Советского Союза как «сверхдержавы». Из этого вполне логично вытекает желание противостоять «капиталистическому миру», предлагая «свой путь». Этот мотив достаточно часто звучит в выступлениях депутатов.

ОБУХОВ С.П. (КПРФ, V созыв, 2008 г.): *Все должны признать, что проект так называемого вхождения России в западную цивилизацию сдох, и все прозападные, либеральные политические силы в Думе и вне Думы, от «ЕДИНОЙ РОССИИ» до «СПС» и «ЯБЛОКА», должны это признать. Вердикт истории однозначен: не может быть сохранения русской державности на основании западничества...*

У ЛДПР, как представляется, антизападничество – центральный идеологический концепт. Тема «Россия в мире» на протяжении всех созывов является центральной в выступлениях депутатов от ЛДПР, особенно лидера партии Жириновского. Хорошо известно, что идею «враждебности Запада» он развивал на протяжении всей своей карьеры, в том числе еще в 1990-е годы – в своих получивших широкую известность книгах¹. В стенограммах заседаний ГД это отразилось в полной мере.

ЖИРИНОВСКИЙ В.В. (ЛДПР, V созыв, 2009 г.): *...Всё было спровоцировано, инициировано со стороны Запада, НАТО – наказать Югославию как союзницу России. Это была война против нас, как и в Афганистане: это против нас, чтобы контролировать через Афганистан Среднюю Азию, которая тяготеет к нам. Всё это приблизится к нам, как и подпитка народных фронтов Прибалтики. И на Западной Украине фашиствующие элементы – это все одно: сужать кольцо, душить Россию, но с улыбкой на устах...*

¹ Жириновский В.В. Последний бросок на Юг. – М.: Писатель, 1993. – 142 с.; Жириновский В.В. Плевок на Запад. – М.: ЛДПР, 1995. – 80 с.; Жириновский В.В. Последний вагон на Север. – М.: ЛДПР, 1995. – 13 с.

«Единая Россия»: от идеологической аморфности к идеологизации

Что касается «Единой России», то в течение первого десятилетия (в «нулевые годы») ее идеологические позиции были довольно аморфными. Уже на рисунке 2 видно, что за все четыре созыва ЕР оказывается наименее идеологически выраженной фракцией в общем объеме своего парламентского говорения, а минимальные значения частотности на рисунках 3 и 4 показывают, что в IV и V созывах ни «русскость», ни «антиамериканизм» не привлекали особого внимания фракции ЕР.

Причин этому видится несколько. Во-первых, по своему «функционалу» (месту в политической системе) «Единая Россия» – типичная партия власти, чья задача – проводить в жизнь политику Кремля [Голосов, Лихтенштейн, 2001]. Соответственно, выступления депутатов ГД от Единой России направлены преимущественно на поддержку законопроектов и деятельности правительства в целом. При этом они несут основную администрирующую нагрузку в думских процессах, численно доминируют в руководстве комитетов, в четвертом и пятом созывах – абсолютно, в шестом и седьмом руководили примерно половиной комитетов. Неудивительно, что депутаты ЕР оказались более «приземленными», чем их коллеги от КПРФ и ЛДПР при обсуждении вопросов. Это хорошо иллюстрируется частотностью лексемы «поправк*» (поправки к законопроектам) на рисунке 5. Даже в относительном измерении (относительно объема собственной риторики) ЕР – безусловный лидер, а в абсолютных числах единороссы за четыре созыва употребили производные от этой лексемы слова больше, чем все остальные фракции вместе взятые.

Во-вторых, «дефицит идеологии» у «Единой России» был связан и с тем, что у Кремля в «нулевые» не было какой-то определенной идеологической ориентации, кроме разве что идеи «сильного государства» [Петров, 2006]. Так, получивший широкую известность «план Путина» состоял в основном из конкретных мероприятий в экономике и социальной сфере, которые впоследствии вылились в «майские указы» и т.п. Идеологически он подкреплялся довольно аморфными лозунгами о развитии инновационной экономики, социальной справедливости и т.п., однако вряд ли это можно считать внятным идеологическим обоснованием. Такая си-

туация не могла не найти отражения и в деятельности фракции «Единой России» в Думе.

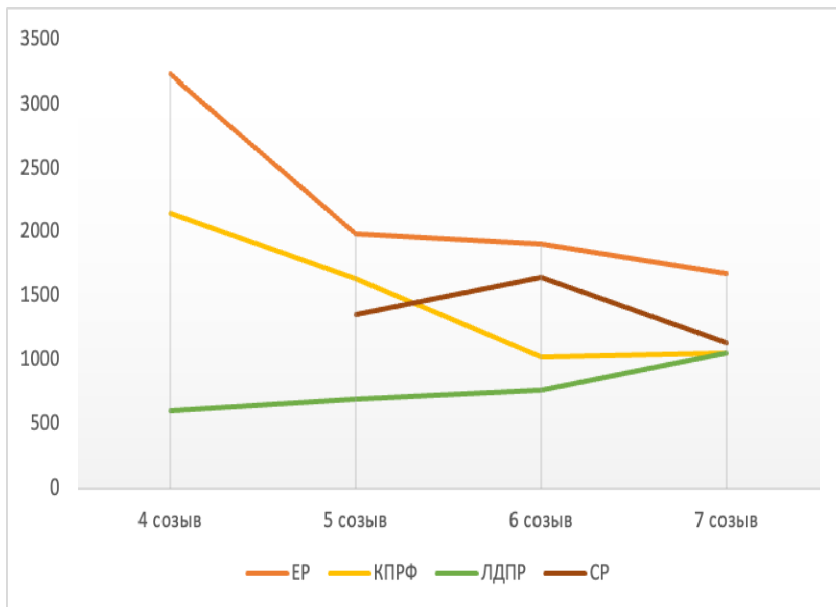

Рис. 5

Частотность лексемы «поправк*» по фракциям и созывам

Соответственно, те редкие выступления депутатов «Единой России», которые содержали идеологические мотивы, были достаточно разнородными. Так, с одной стороны, достаточно много говорилось о национальных интересах и противостоянии Западу. С другой – подчеркивалась важность международного сотрудничества.

КЛИМОВ А.А. (ЕР, V созыв, 2010 г.): *И здесь надо сказать, что абсолютно совпадают те указания и установки, которые были сделаны Президентом Российской Федерации в его Послании Федеральному собранию относительно привлечения высоких технологий и иностранного капитала, и та работа, которую мы ведем в том числе в рамках Европейского парламента, поскольку хорошо известно, что именно Европейский союз является главным нашим экономическим партнером, и это исторически так сложилось, и географически мы обречены на этот союз.*

ПЛИГИН В.Н. (ЕР, V созыв, 2010 г.): ...мы, конечно, понимаем, что обеспечение суверенитета требует наличия сильного государства. Вместе с тем необходимо также понимать и то, что излишнее, неправильное, гипертрофированное понимание суверенитета, понимание суверенитета вырванное и прежде всего понимание суверенитета в сфере прав и свобод человека как некоего исключительного явления, когда только исключительно само государство может определять положение в этой сфере, с моей точки зрения, будет неправильным.

Таким образом, в «нулевые годы», в отличие от КПРФ и ЛДПР, «Единая Россия» в Думе, поддерживая политику правительства, не формулирует внятной идеологической позиции, ограничиваясь некоторыми усилиями по поиску бренда [Гончаров, 2010]. Ситуация изменилась после выборов ГД VI созыва в 2011 г. Идеологическая работа явно активизируется. Ранее возникшие несколько «клубов» оформляются в идеологические «платформы»¹. Нашупываются и либеральный² и консервативный³ векторы. Платформы просуществовали до выборов 2016 г. (фактически прекратили свою деятельность значительно раньше), когда вместо них создали «партийные проекты» по отраслевому принципу⁴. На заседаниях ГД риторика депутатов «Единой России» заметно изменилась, она становится значительно более идеологизированной, с акцентами на патриотизм и «антизападничество». Так, в VI созыве активно продвигается идея «национализации элиты», уже в 2013 г. был принят закон, запрещающий отдельным категориям граждан хра-

¹ «Единая Россия» представила идеологические платформы Партии // Единая Россия. – 2012. – 06 апреля. – Режим доступа: https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-predstavila-ideologicheskie-platformy-partii_80493 (дата посещения: 10.10.2022).

² См., напр.: Манифест российского политического либерализма. О создании Либеральной платформы в партии «Единая Россия» // Институт общественного проектирования. – 2013. – 19 ноября. – Режим доступа: <http://www.inor.ru/page1237/page1349/> (дата посещения: 10.10.2022).

³ Обсуждаются доклады типа «Путин – новый лидер мирового консерватизма», см.: Абзалов: Путин берет на себя ответственность за внешнеполитический арбитраж // Единая Россия. – 2013. – 11 декабря. – Режим доступа: <https://er.ru/activity/news/abzalov-putin-beret-na-sebya-otvetstvennost-za-vneshnepoliticheskij-arbitrazh> (дата посещения: 10.10.2022).

⁴ Нагорных И. Внутрипартийная дискуссия закрывается // Коммерсант. – 2016. – 29 декабря. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3184993> (дата посещения: 10.10.2022).

нить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, и все более энергично обсуждалась идея запретить представителям российской элиты иметь имущество за границей.

ЯРОВАЯ И.А. (ЕР, VI созыв, 2013 г.): *Более того, у тех, кто ранее успешно занимался бизнесом и накопил серьезный капитал, есть прекрасная возможность подтвердить тот факт, что он готов, находясь на руководящей политической должности, не только заявлять о будущем России, но и переместить свои капиталы в Российскую Федерацию и тем самым в том числе укрепить экономику России.*

В выступлениях по внешнеполитическим сюжетам практически исчезают тезисы о сотрудничестве с Западом, их место занимают антизападнические интенции.

ПУШКОВ А.К. (ЕР, VI созыв, 2012 г.): *...Долгое время, как вы знаете, в нашей внешней политике господствовал западный вектор. Нам очень долго говорили – и сейчас еще мы продолжаем это слышать, – что наше будущее связано прежде всего с Соединенными Штатами и Европой. Возникает, однако, вопрос: куда мы можем идти с Соединенными Штатами? Как представляется, за те двадцать лет, что мы пытались найти формулы отношений с Соединенными Штатами, многое стало ясно, и нам понятны и ограничения, и то, что, если идти с Соединенными Штатами, это нас на самом деле направит по целому ряду позиций на путь, противоречащий нашим национальным интересам.*

В целом все более явно выкристаллизовывается идея «собственного пути», а фундаментальной ценностью становится патриотизм, понимаемый не только как любовь к родине и гордость за великое прошлое, но, в первую очередь, как «служение Отечеству», готовность принести в жертву свои личные интересы, да и себя в целом, ради страны.

ТОЛСТОЙ П.О. (ЕР, VII созыв, 2017 г.): *На протяжении 25 или даже 30 лет наша страна выбирала то один путь, то другой, но в последнее время есть ощущение, что Россия наконец возвращается к своему историческому пути – отстаивать свои национальные интересы, интересы своего народа, интересы будущих поколений граждан России, несмотря ни на какие угрозы и попытки внутренней дестабилизации ситуации в стране.*

В VI созыве происходит взрывной рост (в 2 раза) употребления депутатами ЕР лексем «патриот*»¹ и «наш* стран*», см. рис. 6 и 7. И если по «патриотизму» ЕР по-прежнему отстает от других фракций, но уже не так сильно, то по вниманию к «нашей стране» она уже почти вровень с другими (что, возможно, более показательнее в силу большей общей частотности лексемы).

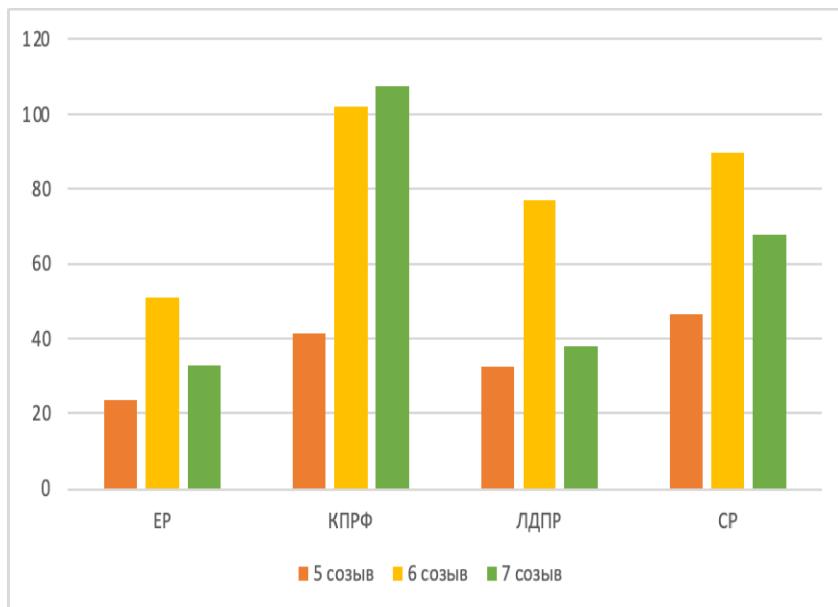

Рис. 6
**Частотность лексемы «патриот*»
по фракциям и созывам**

¹ Показано без IV созыва из-за широкого использования в нем словосочетания «народно-патриотический союз».

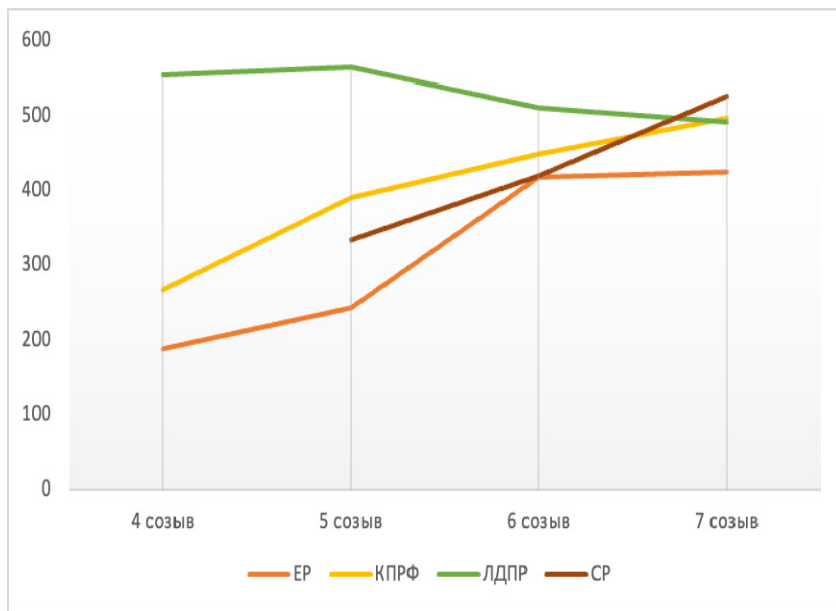

Рис. 7

Частотность лексемы «наш* стран*» по фракциям и созывам

Именно через призму «патриотизма» депутаты от Единой России рассматривали многие законопроекты и события. Ярким примером стало обсуждение в 2012 г. под патриотическими лозунгами резонансного «закона Димы Яковлева», который запрещал вывозить российских детей за рубеж, причем все фракции продемонстрировали полное единодушие.

Видимо, не случайно в период VI созыва «платформы» ЕР прекращают свою активность, поскольку одна из них – патриотическая – становится «основополагающей».

ЯРОВАЯ И.А. (ЕР, VI созыв, 2014 г.): *Наверное, очень важно то, что с 2009 года мы последовательно пытались прийти к этому решению: первоначально это была инициатива только патриотической платформы партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», а сегодня – и для нас это очень важно – мы фактически выходим с инициативой от всех фракций, потому что к ней присоединились наши коллеги из разных фракций. Это очень символично и очень важно, потому что есть вопросы, которые не предполагают политических кон-*

фликтов и разногласий, есть то, что несомненно должно объединять всех нас, – это наша история и наша ответственность за нашу страну! Политическая стабильность, политическая уверенность – это факторы успеха и развития.

Патриотизм тесно смыкается с антизападничеством. Собственно, внимание к своей стране оказывается обратной стороной внимания к Западу, но в разном соотношении у разных фракций. На рисунке 8 видно, что в целом за все созывы ЕР, в сравнении с другими фракциями и особенно с ЛДПР и КПРФ, намного больше ориентирована в своей риторике на Россию, нежели на Запад (для иллюстрации выбрана одна из лексем «запад* – америк*» из-за того, что они высокосинонимичны). И тем не менее в VI созыве частотность обращения к «западу – америке» у ЕР тоже увеличивается в 2 раза (см. рис. 4).

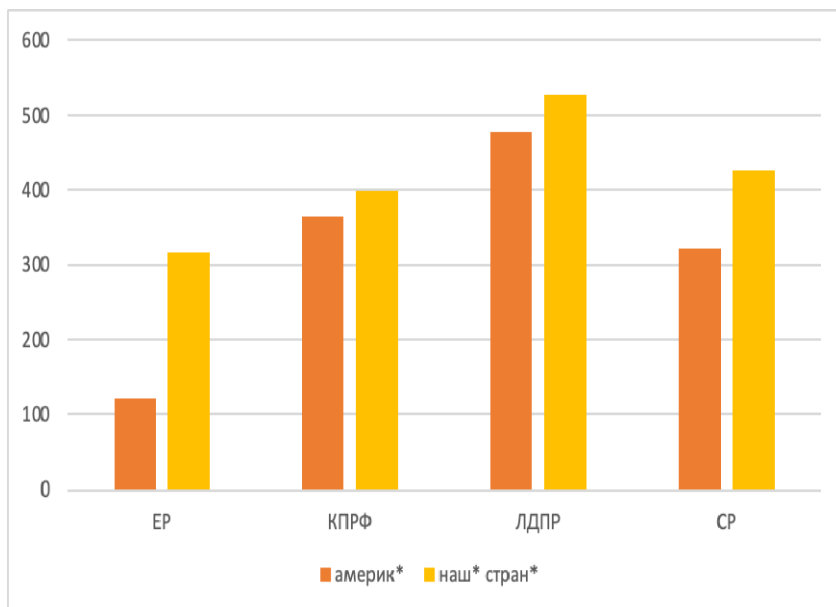

Рис. 8

**Частотность лексем «америк*» и «наш* стран*»
(совокупно по фракциям по четырем созывам 2003–2020 гг.,
по СР без IV созыва)**

Кроме того, существенно усилилось внимание депутатов «Единой России» к «русскому вопросу» (см. рис. 3). При этом русскость чаще всего артикулируется в связи с идеей «Русского мира» и рассматривается в контексте защиты прав русскоязычного населения за рубежом, т.е. имеет ярко выраженный внешнеполитический акцент.

НИКОНОВ В.А. (ЕР, VI созыв, 2012 г.): *Нам, депутатам Российского парламента, предстоит еще очень много сделать для того чтобы русский мир не остался в прошлом. Я предлагаю провести парламентские слушания, посвященные соблюдению прав человека, и прежде всего наших соотечественников, в Европейском союзе. Русский мир – не воспоминание о прошлом, это мечта о будущем великого народа.*

Немало выступлений и в защиту русского языка «внутри» страны – это вопрос, который все более активно продвигался в повестку в 2010-е годы и, как известно, привел в итоге к запрету обязательного изучения государственных языков национальных республик, а затем и к введению в Конституцию РФ термина «государствообразующий народ». Иными словами, в отличие от ЛДПР, «русский вопрос» у «Единой России» занимает примерно то же место, как у КПРФ, т.е. это смежный, а не центральный концепт, логично вытекающий из патриотизма.

Идеологический поворот Единой России не остался незамеченным депутатами КПРФ и ЛДПР.

НИКИТИН В.С. (КПРФ, VI созыв, 2012 г.): *Став третий раз президентом, Путин заявил, что наступает новый этап развития России. Он приступил к созданию Евразийского экономического союза и обратился к соотечественникам с программной статьей «Россия: национальный вопрос». В ней Путин отметил, что государственная политика должна формировать мировоззрение, скрепляющее нацию и политическое устройство в такой тип государства-цивилизации, где принцип распознавания «свой – чужой» определяется общей культурой и общими ценностями. Он призвал беречь русский культурный код. Какие правильные слова!*

ЛИТВИНЦЕВ Д.А. (ЛДПР, VI созыв, 2012 г.): *Будущее – за ЛДПР! (Оживление в зале, смех.) Не надо смеяться, так и есть, потому что многие тезисы, которые сегодня озвучены правительством, которые берутся на вооружение и, кстати, успешно реализуются, были предложены нашей партией еще двадцать лет назад...*

Правда, такие тщеславные заявления депутатов от КПРФ и ЛДПР, что «Единая Россия» и Кремль якобы реализуют их идеи, вызывают скорее скепсис. Нет никаких доказательств, что идеологический поворот Кремля и ЕР в сторону патриотизма стал результатом воздействия со стороны «системной оппозиции». Более правдоподобным выглядит предположение о том, что это была «внутренняя эволюция» Кремля. Но, как бы то ни было, идеологический поворот ЕР лег на благодатную почву. Он не просто не вызвал противодействия со стороны других фракций, а, наоборот, был встречен другими фракциями с воодушевлением. И это стало основой для «идеологического согласия».

Таким образом, в VI созыве у фракции «Единой России» складывается «идеологический компонент», центральным концептом которого становится «патриотизм», смежными – антизападничество и «русскость». При этом представляется важным подчеркнуть, что это происходит уже в 2012–2013 гг., т.е. еще до крымских событий 2014 г. «Крымский консенсус» [Nikolskaya, Dmitriev, 2020; Barbashin et al., 2017] очень хорошо проявился на заседаниях Думы, но, как показывает наше исследование, он не «создал» элитное согласие, а только закрепил то, что уже было.

«Справедливая Россия»: от второй партии власти к участию в идеологическом согласии

Фракция СР заслуживает отдельного разговора. Как уже было сказано, мы рассматриваем эту партию, только начиная с V созыва. СР была создана сверху, изначально рассматривалась как «вторая партия власти» [Гельман, 2008], и в этом качестве она не должна была быть слишком идеологизированной. В то же время она должна была быть «левой партией власти» и, соответственно, позиционировать себя в этом качестве. Кроме того, для повышения электоральной привлекательности СР, кремлевские технологи вовлекли в нее не только лояльных функционеров, но и достаточно известных людей, имевших самостоятельные, в том числе идейные амбиции. В результате состав фракции СР в V созыве оказался чрезвычайно пестрым. Помимо таких «лоялистов», как Сергей Миронов и Николай Левичев, здесь оказались Валерий Зубов, Илья Пономарев,

Федот Тумусов, Олег Шеин и др. Это во многом объясняет своеобразную идеологическую окраску у СР в этот период. Она самая «патриотичная» (рис. 6), для нее значима тема Запада (рис. 4), и это объясняется тем, что в состав СР вошли часть активистов «Родины». Вместе с тем интерес к традиционным «-измам» почти так же низок, как у ЕР.

Единственное, в чем эта партия является безусловным лидером, – употребление лексемы «идеолог*», и это ее лидерство сохранится на протяжении всех трех созывов. Рисунок 9 демонстрирует явное типологическое сходство СР с ЕР в отношении разрыва между вниманием к традиционным «-измам» и обращением к «идеологической» тематике как таковой. Это можно интерпретировать таким образом, что партии стремятся нащупать «свою» идеологию. И если ЕР это в общем удалось, то в отношении СР такой уверенности нет.

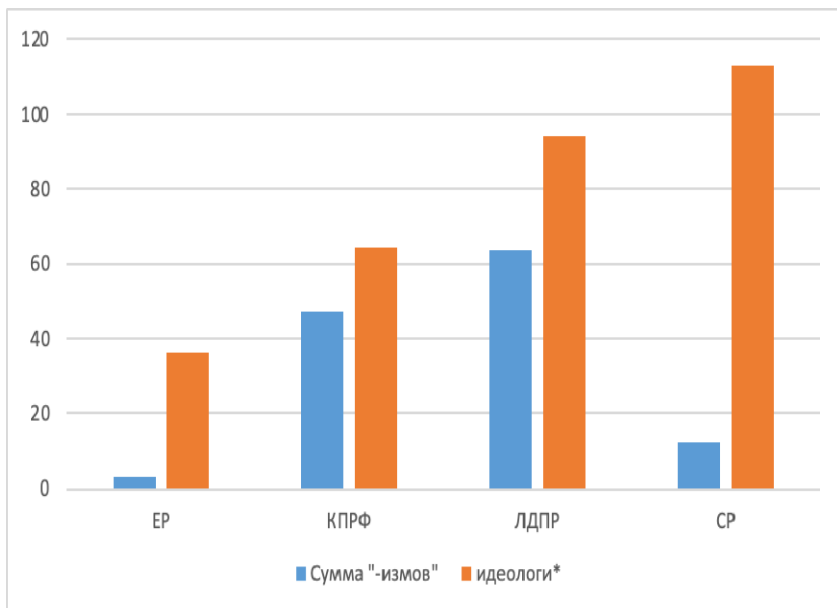

Рис. 9

Частотность лексем «-измы» (сумма значений капитализм*, социализм*, либерализм*) и «идеологи*» по фракциям и созывам

Это связано с тем, что СР как партия и как фракция в Думе изначально играла неоднозначную роль. Она одновременно рассматривалась и как партия власти, и в то же время как оппонент партии власти. И даже после того, как Кремль отказался от идеи «двух партий власти» и СР функционально стала такой же партией «системной оппозиции», как КПрФ и ЛДПР, она все равно воспринималась как «более близкая» к Кремлю.

В результате СР вела себя примерно так же, как другие партии «системной оппозиции», критикуя правительство по тем же направлениям, что депутаты от КПрФ и ЛДПР. Но, в отличие от КПрФ и ЛДПР, у СР не просматривается явных идеологических обоснований в критике политического курса правительства, за исключением, пожалуй, акцента на социальную справедливость. В частности, намного чаще, чем другие, депутаты от СР продвигали в повестку вопрос о введении прогрессивной шкалы налогообложения. Это отличало СР даже от КПрФ, которая позитивно относилась к прогрессивной шкале, а тем более от ЛДПР и ЕР, противников этой идеи.

После выборов 2011 г. «разношерстность» СР поначалу даже еще более усугубилась, поскольку несколько известных депутатов (Илья Пономарев, Геннадий и Дмитрий Гудковы) приняли активное участие в протестном движении и перешли в явную оппозицию Кремлю. Однако в течение VI созыва партия постепенно избавилась от «диссидентов», и на первый план вышли голоса тех справедливороссов, которые еще в V созыве занимали прокремлевскую позицию. При этом, несмотря на декларируемую «левизну», интенсификация идеологического компонента в риторике СР произошла не по лево-правой шкале, а скорее по поводу «места России в мире».

Патриотические и антизападные мотивы в выступлениях депутатов от СР в VI созыве звучат все более громко. С одной стороны, это можно рассматривать как «возвращение к истокам» (к риторике партии «Родина»), с другой – как движение вслед за «Единой Россией» как «основной» партией (в VI созыве значимость законопроектной работы для СР оказывается почти столь же высокой, как у ЕР, см. рис. 5). В результате в VI созыве, когда сложилось «элитное согласие», СР в него очень хорошо вписалась. Но сделала это, по нашему выводу, не на основании конфигурации собственных более или менее выраженных идеологических концептов, как у других фракций, а скорее *ad hoc*.

Выводы

Результаты исследования показывают, что, во-первых, в VI–VII созывах складывается такая идеологическая композиция, которую можно интерпретировать как высокосогласованную, хотя полной «гармонии» все-таки нет. Наблюдается явное согласие между всеми фракциями по двум из трех идеологических измерений: национально-этническое («русский вопрос») и глобальное (про место и роль России в мире). «Право-левая» шкала оказывается значимой и принимается как своя только одной фракцией – КПрФ.

В содержательном отношении идеологическое согласие обрцовано совокупностью концептов «патриотизм», «антизападничество» (и свой путь), «русскость». Их разделяют все фракции, хотя у каждой из них своя конфигурация, определяющая их центральность или смежность, дополнительность. Но принципиально, что их общая конфигурация образует границы согласия, тогда как за рамками этих идеологических концептов согласия в Думе нет. И в VI, и в VII созывах системная оппозиция по-прежнему жестко критикует политические курсы правительства в самых разных сферах. Вместе с тем, критикуя правительство, депутаты от системной оппозиции все чаще отделяют от него Президента РФ, высказывая ему поддержку, и она имеет как персональное, так и идеологическое содержание.

Во-вторых, значимое различие между фракциями обнаружено не только по констелляции идеологических концептов, но и по степени идеологической выраженности («идеологичности») риторики членов фракций. Наименее идеологизированная фракция – ЕР, наиболее – КПрФ и ЛДПР, но ЕР все более идеологизируется от созыва к созыву (хотя и в VII созыве остается более административной партией на фоне других).

В-третьих, именно идеологическая динамика ЕР (явно вызванная политической и идеологической эволюцией Кремля) приводит к формированию ограниченной идеологической гармонии в стенах Думы. Однако важно, что в содержательном (концептуальном) отношении это относительное согласие сформировано не ЕР – она взяла на вооружение то, что уже было сформулировано и вербализовано депутатами от КПрФ и ЛДПР ранее.

Наконец, в-четвертых, изменение идеологической траектории ЕР в направлении идеологической «гармонизации» с другими фракциями происходит уже в 2012–2013 гг., в начале работы ГД VI созыва, и последующий «крымский консенсус» только закрепил то, что уже было.

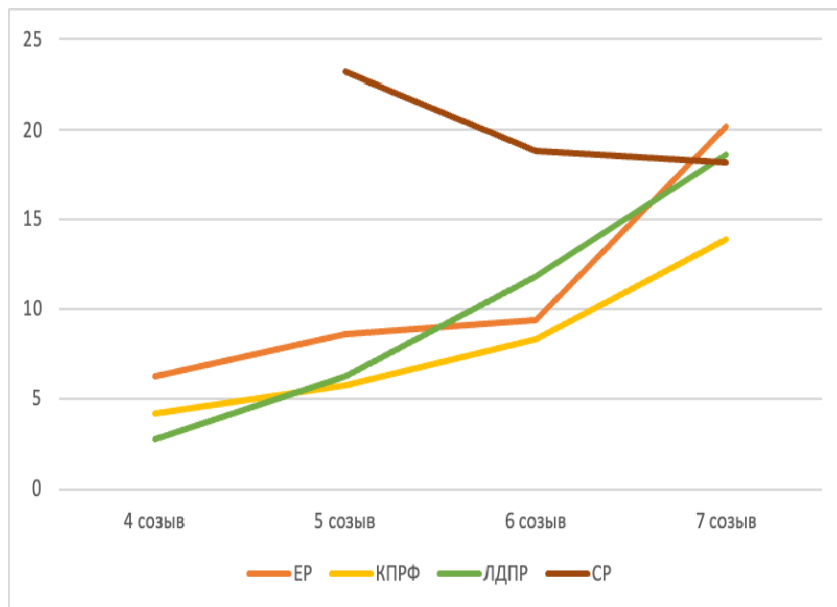

Рис. 10

Частотность лексемы «консенсус*» по фракциям и созывам

И все фракции весьма позитивно относятся к появлению такого согласия. Рисунок 10 иллюстрирует это на примере использования лексемы «консенсус*». Общая частотность ее использования невысока, но стремительный рост, особенно в VII созыве – примерно в 2 раза – весьма демонстративен (опять при своеобразной позиции СР, которая начала стремиться к консенсусу раньше).

P.V. Panov, K.A. Sulimov*
**Ideological «harmony» in the State Duma:
emergence, content, boundaries¹**

Abstract. In the 2000 s, a fairly stable party-political system was established in Russia, with the dominance of United Russia and the representation of three parties of the systemic opposition in the State Duma of the Russian Federation. The study is aimed to identify the space of ideological accord between all party factions of the State Duma in the parliamentary arena along three problematic ideological dimensions: the traditional «left-right», national-ethnic («Russian question») and global (the role of Russia in the world). Using the instruments of morphological analysis of ideologies and basing on the content analysis of the transcripts of the plenary sessions of the State Duma during the period 2003–2020 (1100 deputies, 154,4 thousand speeches and 26,558 million words), the key ideological concepts, which shape the space of accord, have been identified: «patriotism», «anti-Westernism» and «Russianness». Although each faction has its own configuration of these concepts that determines their centrality or complementarity, they are shared by all factions. Consequently, in their combination, it is these concepts that draw boundaries of the accord, whereas there is no agreement in the Duma out of these ideological concepts. The accord emerged in 2012–2013, even before the «Crimean consensus», which subsequently strengthened it. The key condition for the formation of the accord was the ideological dynamics of United Russia, which was clearly caused not by intra-Duma processes, but by the ideological evolution of the Kremlin. Starting from the 6 th convocation, that is, from 2012, the United Russia faction, firstly, has been ideologized (although it still remains more of an administrative faction in its rhetoric), and secondly, it has adopted ideological concepts already developed and verbalized by CPRF and LDPR.

Keywords: deputies; political parties; factions; The State Duma; ideological concepts; political ideologies and orientations; content analysis.

For citation: Panov P.V., Sulimov K.A. Ideological «harmony» in the State Duma: emergence, content, boundaries. *Political science (RU)*. 2023, N 1, P. 61–91. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.03>

References

Anokhina N.V., Meleshkina Ye.Yu. Evolution of Russia's parties spectrum on the eve of the 2007 parliamentary elections. *Polis. Political studies*. 2008, N 2, P. 105–121. (In Russ.)

* **Panov Petr**, Perm federal research center of the Ural branch of the Russian academy of sciences; Perm state university (Perm, Russia), e-mail: panov.petr@gmail.com; **Sulimov Konstantin**, Perm state university (Perm, Russia), e-mail: k.sulimov@psu.ru.

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20–011–00624.

- Barbashin A., Irisova O., Burkhardt F., Wyciszkievicz E. (eds). *A successful failure: Russia after Crime (a)*. Warsaw: Centre for Polish-Russian dialogue and understanding, 2017, 243 p.
- Chutkov S.S.M. Frieden's morphological analysis of ideologies. In: *Method: Moscow yearbook of social science disciplines*. Moscow: INION RAN, 2016, P. 333–346. (In Russ.)
- Freeden M. *Ideology: A very short introduction*. Oxford: Oxford university press, 2003, 143 p.
- Freeden M. The morphological analysis of ideology. In: Freeden M., Stears M. (eds). *Oxford handbook of political ideologies*. Oxford: Oxford university press, 2013, P. 115–137.
- Gandhi J., Noble B., Svolik M. Legislatures and legislative politics without democracy. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1359–1379. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414020919930>
- Gavrilova M.V. Explication of politician's ideological representations: linguistico-cognitive approach. *Polis. Political studies*. 2010, N 3, P. 80–89. (In Russ.)
- Gel'man V. «Liberals» versus «democrats»: ideational trajectories of Russia's post-communist transformation. *Mir Rossii*. 2020, Vol. 29, N 1, P. 53–79. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-53-79> (In Russ.)
- Gel'man V. *Authoritarian Russia: analyzing post-soviet regime changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh press. 2015, 184 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt155jmv1>
- Gelman V. Ya. Political parties in Russia: from competition – to hierarchy. *Polis. Political studies*. 2008, N 5, P. 135–152. (In Russ.)
- Golosov G.V., Grigor'ev V.S. Party system nationalization: the case of Russia. *Political science (RU)*. 2015, N 1, P. 128–156. (In Russ.)
- Golosov G.V., Liechtenstein A.V. The «power parties» and the Russian institutional design: theoretical analysis. *Polis. Political studies*. 2001, N 1, P. 6–14. (In Russ.)
- Goncharov V.E. Ideological branding of United Russia. *Political expertise: POLITEX*. 2010, N 3, P. 68–82. (In Russ.)
- Kholodkovskii K.G. The 1999 Parliamentary elections and party structuration of Russian society. *Polis. Political studies*. 2000, N 2, P. 45. (In Russ.)
- Krippendorff K. *Content analysis: an introduction to its methodology*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004, 412 p.
- Malinova O.Yu. Justifying the political course of the 2000 s and constructing the myth about «the hard nineties» in the Vladimir Putin's discourse. *Political science (RU)*. 2018, N 3, P. 45–69. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03> (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Ideas as independent variables in political studies: in search of adequate methodology. *Polis. Political studies*. 2010, N 3, P. 90–99. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Party ideologies in Russia: an attribute or entourage? *Polis. Political studies*. 2001, N 5, P. 97–106. (In Russ.)
- Mishanova Ye.V. Problem of operationalization of the ideological field in content-analytical studies. *Polis. Political studies*. 2010, N 3, P. 69–79. (In Russ.)
- Nikolskaya A., Dmitriev M. The end of the Crimean consensus: how sustainable are the new trends in Russian public opinion? *Russian politics*. 2020, Vol. 5, N 3, P. 354–374. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00503005>

- Noble B. The State Duma, the «Crimean consensus», and Volodin's Reforms. In: Barbashin A., Irisova O., Burkhardt F., Wyciszkievicz E. (eds). *A successful failure: Russia after Crime (a)*. Warsaw: Centre for Polish-Russian dialogue and understanding, 2017, P. 103–117.
- Noble B., Schulmann E. Not just a rubber stamp: Parliament and lawmaking. In: Treisman D. (ed.). *The new autocracy: information, politics, and policy in Putin's Russia*. Washington, D.C.: Brookings institution press, 2018, P. 49–82.
- Panov P., Sulimov K. Party of power and systemic opposition in the state дума: toward convergence of public rhetoric. *Ars administrandi*. 2021, Vol. 13, N 4, P. 516–535. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535> (In Russ.)
- Petrov K.E. Domination of conceptual polysemy: «Strong state» in Russian political discourse. *Polis. Political studies*. 2006, N 3, P. 159–183. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.03.13> (In Russ.)
- Rabotyazhev N.V. Between tradition and utopia: left-wing conservatism in Russia. *Polis. Political studies*. 2014, N 4, P. 114–130. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.08> (In Russ.)
- Wiebrecht F. Legislatures' strength in authoritarian regimes. *Democratization*. 2021, Vol. 28, N 3, P. 1075–1094. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2021.1881487>
- Williamson S., Magaloni B. Legislatures and policy making in authoritarian regimes. *Comparative political studies*. 2020, Vol. 53, N 9, P. 1525–1543. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414020912288>

Литература на русском языке

- Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // *Полис. Политические исследования*. – 2008. – № 2. – С. 105–121.
- Гаврилова М.В. Экспликация идеологических представлений политика: лингво-когнитивный подход // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 3. – С. 80–89.
- Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // *Полис. Политические исследования*. – 2008. – № 5. – С. 135–152.
- Гельман В.Я. «Либералы» versus «демократы»: идейные траектории постсоветской трансформации в России // *Мир России*. – 2020. – Т. 29, № 1. – С. 53–79. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-53-79>
- Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // *Полис. Политические исследования*. – 2001. – № 1. – С. 6–14.
- Голосов Г.В., Григорьев В.С. Национализация партийной системы: российская специфика // *Политическая наука*. – 2015. – № 1. – С. 128–156.
- Гончаров В.Э. Идеологический брендинг «Единой России» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2010. – Т. 6, № 1. – С. 68–82.

- Малинова О.Ю.* Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 90–99.
- Малинова О.Ю.* Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 45–69. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03>
- Малинова О.Ю.* Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 5. – С. 97–106.
- Мишанова Е.В.* Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 69–79.
- Панов П.В., Сулимов К.А.* Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 516–535. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535>
- Петров К.Е.* Доминирование концептуальной многозначности: «сильное государство» в российском политическом дискурсе // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 3. – С. 159–183. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.03.13>
- Работяжев Н.В.* Между традицией и утопией: левый консерватизм в России // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 114–130. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.08>
- Холодковский К.Г.* Парламентские выборы 1999 года и партийное структурирование российского общества // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 2. – С. 45.
- Чутков С.С.* Морфологический анализ идеологий М. Фридена // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 333–346.